

Глава 9. План ремонта

Снова наступило утро. Приготовленного накануне сорговой ириски должно было хватить ещё на пару дней торговли, так что нужды приниматься за работу — варить сахар или добывать крахмал — пока не было. Впервые с момента своего появления в этом мире Цю Хуанянь оказался совершенно свободен от дел. Позавтракав, он принялся внимательно изучать состояние их ветхого жилища.

Будучи человеком, выросшим в современном мире, юноша все последние дни держался лишь на чистом упрямстве. Он твёрдо решил, что крытую соломой лачугу необходимо привести в порядок.

Первым делом требовалось заняться окнами. В левом флигеле, где они спали, рама была сломана наполовину, и по ночам в комнату задувал холодный ветер. Пусть погода и начала налаживаться, приятного в таких сквозняках было мало.

Затем — пол. В доме не было и намёка на кирпичную кладку; голая утоптанная земля шла буграми, о которые то и дело спотыкались ноги, а вездесущая пыль, казалось, пропитывала сам воздух.

Не меньше беспокойства вызывал и кан. Одна его сторона заметно просела, и теперь все трое упились на уцелевшей половине, опасаясь, что ветхая конструкция рухнет окончательно.

Постелью им служил слой рисовой соломы, накрытый грубой циновкой. На ночь каждый доставал из сундука свой матрас. Эти вещи явно разменяли третий, а то и четвёртый десяток лет: набивка из хлопка после бесчисленных стирок истончилась и сбилась в жёсткие комки, которые нещадно давили в бока. Одежда немногим отличалась от матрасов, и их способность удерживать тепло вызывала серьёзные сомнения.

Весенняя сырость коварна. Стоило лишь пойти дождю, и с их нынешним здоровьем вся троица могла слечь в лихорадке за одну ночь.

К тому же вскоре должен был вернуться Ду Юньсэ. Хуанянь помнил, что теперь он — гээр, способный понести дитя.

«На всякий случай нам следует спать в разных комнатах, — размышлял он. — А значит, и главную горницу нужно привести в божеский вид».

Подсчитав скромные сбережения, он решил для начала починить окно. Это была первоочередная задача, чтобы не разболеться в первый же ливень. Остальное могло подождать.

Юноша взобрался на небольшую скамью, осматривая раму. Оказалось, что сразу несколько

деревянных реек в решётке переломились, и без их опоры даже слабый порыв ветра рвал хрупкую оконную бумагу.

Ремонт не выглядел сложным. Пользуясь тем, что времени было предостаточно, молодой человек полностью снял раму и вынес её во двор. Он вытащил обломки и, подобрав в кладовой подходящие по размеру куски дерева, вырезал новые рейки. Одну за другой он аккуратно вставил их на прежние места.

Пока он трудился, в калитку то и дело стучали соседи, желавшие продать свёклу. Хуанянь доверил Цзюцзю и Чуньшэну встречать гостей и взвешивать товар. Девочка оказалась удивительно смыслёной: стоило старшему лишь раз показать, как пользоваться весами и считать медяками, как она всё схватила на лету.

Корнеплоды были тяжёлыми: один корень весил около двух цзиней. Жители деревни Ду сажали свёклу неохотно: кто-то приносил пару десятков корней, а кто-то и вовсе пять-шесть штук.

За всё утро было принято более сотни корней. Учитывая, что на сотню полосок ириски уходило около трёх штук, этого запаса при нынешнем спросе должно было хватить на месяц.

Видя, как молодой человек ловко управляет инструментами во дворе, сельчане дивились его мастерству. Свои познания в плотницком деле он списывал на покойного Ду Баояня — мол, посмотрелся на чертежи и инструменты, оставшиеся от него, и всему научился сам.

Деревня Ду была невелика, и вести в ней разлетались мгновенно. К вечеру уже все знали, что братец Хуа горазд не только сахар варить, но и с деревом ладить.

На закате у околицы собралась стайка женщин и гээр, чтобы перемыть косточки соседям.

— Помните, как в голодный год вдова Ли выменяла братца Хуа на две меры сорго? — заговорила одна из женщин. — Все тогда говорили, что она умом тронулась: брать тому вундеркинду, что учился в других краях, в мужья-воспитанники такого дохлого гээр, который на облезлого котёнка больше походил.

— И посмотрите теперь! — подхватила другая. — Парень-то краше стал, да какой рукастый! А главное — сердце доброе, не чета многим. Вдовы Ли два месяца как нет, а он о малых так печётся, будто родной.

— Да что там печётся! Говорят, они теперь мясо каждый день едят, ровно дети помещика. Лица-то как округлились, румянец появился.

— Видать, талант у братца Хуа. Нам о таком только мечтать остаётся. Повезло ребятишкам: хоть отца с матерью рано лишились, зато невестка им досталась — золото.

— Жаль только, мужик его без будущего остался. Хорошо хоть братец Хуа такой хваткий, теперь и после возвращения мужа, когда тот будет не у дел, они заживут припеваючи.

— Так это что же, муж его бабу свою объедать будет?

— Тише ты! — приструнили болтушку. — Не смей так говорить!

— Деревня Шанлян, поди, локти теперь кусает. Семья Цю, что продала его, небось и не знает, какого умельца лишилась.

— Кстати, о продаже... — понизила голос одна из женщин постарше. — Я припоминаю, что свадьбы-то у них не было, поклонов Небу и Земле не били? Да и бумаг никаких вроде не подписывали, когда его как мужа-воспитанника забирали. А ну как...

— Братец Хуа не из тех, кто сбежит. Да только боюсь я, как бы семейство Цю какую пакость не затеяло.

Вернувшись после дневной торговли, Хуанянь снова замочил сорго в зольной воде, подготавливая сырьё для новой порции крахмала.

Пужинав с детьми и отправив их играть, он сварил немного клейстера, чтобы оклеить починенную раму бумагой, купленной сегодня в городке.

В лавках за лист узорчатой бумаги просили восемь вэней, да и качество её было дрянным. Молодому человеку такая трата показалась расточительством. В лавке письменных принадлежностей он присмотрел плотную белую бумагу по три вэня за лист. Купив четыре штуки и доплатив два вэня за право воспользоваться кистью и тушью, он прямо там набросал простые рисунки: цветущую сливу, бамбук, хризантему и орхидею.

Его художественные навыки были плодом не таланта, а упорства. В прошлой жизни, когда он создавал дизайн для бумажных фонариков, ему пришлось месяц корпеть над репродукциями великих мастеров, чтобы научиться рисовать эти классические сюжеты.

В его рисунках было внешнее сходство, но не было «костей» — истинной глубины. Издалека они смотрелись нарядно, вблизи же казались небрежными, но для оконных рам этого было более чем достаточно.

Хозяин лавки, Ван Чэн, долго разглядывал его работу, дивясь тому, что деревенский гээр владеет кистью. Перед уходом он даже предложил мастеру подработку: нарисовать партию листов с сутрами к празднику Цинмин, пообещав по восемь вэней за лист.

Он, понимая, что деньги лишними не бывают, с радостью согласился, договорившись прийти через пару дней.

В главной горнице было четыре окна, а в боковых флигелях — по два. Одного листа бумаги хватало на две створки, так что четырёх листов как раз хватило, чтобы обновить окна во всём доме.

«Если менять только одно, будет смотреться неряшливо, — решил он. — Лучше сделать всё разом».

Хуанянь неспешно трудился во дворе, наслаждаясь тишиной, как вдруг в калитку постучали. Сумерки уже сгустились, и в такое время гостей обычно не ждали.

Отворив дверь, он нахмурился, пытаясь вспомнить лицо стоявшей перед ним женщины. Это была Вэй Люхуа, невестка госпожи Чжао.

Люхуа, выкравшая минутку, чтобы прийти тайком, заметила его недовольство, и сердце её сжалось от страха. Но образ изголодавшегося Ю-гээр стоял перед глазами, придавая сил. Она вымученно улыбнулась:

— Братец Хуа, мне нужно сказать тебе две вещи. Позволишь войти?

В памяти прежнего владельца тела эта женщина осталась трудолюбивой и тихой. Она никогда не участвовала в склоках свекрови и не обижала его. Видя, что её волнение не поддельно, Хуанянь отступил, пропуская гостью.

— Проходите, невестка.

Люхуа с облегчением выдохнула. Присев на скамью во дворе, она слово в слово пересказала то, что её муж подслушал накануне.

— Твой брат Юньху слышал лишь, как госпожа Чжао хвалилась, что уже нашла твоих родных и затевает против тебя недоброе. Что именно — она не открыла, — Люхуа старалась говорить мягко, всем своим видом показывая, что она на его стороне.

Рука Хуаняня, разглаживавшая бумагу, замерла.

Он помнил историю своей семьи.

Прежний владелец тела родился в деревне Шанлянь, что в трёх часах пути отсюда. В шесть лет он лишился матери, и отец вскоре привёл в дом мачеху. Гээр от первого брака стал для неё бельмом на глазу. Его почти не кормили, и мальчишка рос таким тощим, что сквозь кожу

можно было пересчитать каждое ребро.

Шесть лет назад в уезде Чжан случился голод. Отец, поддавшись на уговоры торговки людьми, решил продать одиннадцатилетнего сына за горсть зерна. Но тот был так слаб, что казалось — вот-вот испустит дух. Покупателей не находилось, и каждый раз после возвращения домой мальчика ждала жестокая порка.

Лишь вдова Ли, случайно увидевшая его у дороги, пожалела ребёнка и выменяла его на две меры сорго.

С тех пор ни прежний Хуанянь, ни нынешний не поддерживали связи с семьёй Цю. Для него они были чужими людьми.

Молодой человек не мог сразу понять, на что рассчитывает госпожа Чжао. Будучи современным человеком, он ещё не до конца освоился с правилами этого мира.

— Спасибо, что предупредили. Я буду настороже, — поблагодарил он.

Видя, что юноша не держит на неё зла, Люхуа решила заговорить о главном — о свёкле из её родной деревни.

— Я подумала, тебе для сахара нужно много корней, а у моих родных их в избытке. Могу привезти, сколько скажешь, по той же цене — вэнь за два цзиня. Что скажешь?

Хуанянь догадывался, что она затеяла это за спиной свекрови. Чтобы заслужить его доверие, Люхуа даже выдала тайну госпожи Чжао. Видно, в доме Ду Баоцюаня и впрямь не всё было гладко.

Он быстро прикинул в уме.

Запасов свёклы хватало на месяц, но в деревне Ду она скоро закончится. Нужно было думать наперёд: если продажи вырастут, нельзя позволить производству встать из-за нехватки сырья.

— Привези для начала сотню цзиней, — ответил он. — Пусть люди там знают, что на свёкле можно заработать. Пусть не едят её, а приберегут для меня.

Люхуа просияла. Она планировала скупать корни у своих по три цзиня за вэнь — небольшую сумму для начала она надеялась занять у родни.

Когда невестка скрылась в темноте, он вернулся к окнам, но мысли его всё возвращались к угрозе госпожи Чжао.

«Какую такую беду могут навлечь на меня родные из Шанляня, с которыми я не виделся столько лет?»

Он так глубоко ушёл в свои думы, что не заметил, как вернулись дети. Цзюцзю пришлось несколько раз позвать его, прежде чем он очнулся.

Окна были готовы. При свете яркой луны он поочерёдно вставил их в проёмы.

Укладываясь спать, он вдруг спросил:

— Цзюцзю, Чуньшэн, а вам никогда не было страшно, что со мной может что-то случиться?

Он просто хотел нащупать нить, но дети, услышав это, внезапно побледнели.

«Неужели я упустил что-то важное?» — Хуанянь поспешил обнять их, мягко прося рассказать всё как есть.

— В деревне говорят... — всхлипнула Цзюцзю. — Говорят, что братец Хуа ещё не наш. Что тебя могут забрать.

— Разве братец Хуа не наш брат? — спросил Чуньшэн. — Почему они так говорят?

— Я не пущу тебя! — закричала девочка. — Никуда не пущу!

Дети наперебой пересказывали обрывки взрослых разговоров, услышанные во время игр, и в глазах их стояли слёзы.

Хуанянь замер, словно поражённый громом. Последнее звено в цепи его раздумий наконец встало на место.

Он знал, что они с Ду Юньсэ ещё не муж и жена, но забыл о самом страшном.

«В этом мире человек может быть товаром, а значит, у каждого товара должен быть «законный владелец»!»

Вдова Ли забрала его без официальных бумаг, он не был вписан в семейный реестр Ду как супруг. С точки зрения закона, права собственности на него всё ещё принадлежали его биологическому отцу!

Хуаняня сложно было винить — для современного человека было дикостью осознавать, что некий злодей из далёкой деревни имеет над ним абсолютную власть.

Раньше семья Цю считала его полумёртвым дармоедом, а потому и не искала. Но теперь, когда пошли слухи о его талантах и заработках, жадность наверняка возьмёт верх.

Пусть они не посмеют открыто враждовать с целой деревней Ду, ради наживы такие люди пойдут на любой риск.

Хуанянь глубоко вздохнул, сжимая кулаки. Госпожа Чжао уже пустила гончих по следу, и останавливать их было поздно. Нужно было искать другой выход.

Он понял: его первое настоящее испытание в этом мире, битва за собственную свободу, уже началась.

<http://bllate.org/book/15363/1372823>